

29 марта 1977

ступени мастерства

ПЕВЕЦ ДОБРЫХ ЧУВСТВ

Когда первый выход молодого и не очень уверенного в себе автора на большую концертную эстраду сразу приносит ему громкий успех и всеобщее признание, это и радует его, и страшит. Радует потому, что помогает поверить в свои силы. Страшит потому, что кажется: теперь все ждут от него одних только бесспорных достижений, одних шедевров, и он боится обмануть эти ожидания.

Вот в таком положении, я думаю, оказался ленинградский композитор Валерий Гаврилин после окончания консерватории, когда его вокальный цикл «Русская тетрадь» был с триумфом исполнен на фестивале ленинградской музыки в Москве в 1965 году и вскоре удостоен Государственной премии РСФСР имени М. И. Глинки. Во всяком случае несколько лет после того Гаврилин не выпускал в свет новых крупных сочинений, ограничиваясь мелкими песнями или музыкальным оформлением спектаклей и фильмов. Вспомним хотя бы исключительно яркую музыку ко многим постановкам драматических театров Ленинграда, Москвы, Минска, Вологды, Иркутска и других городов — недаром он стал одним из самых желанных и популярных в театральном мире композиторов. Или песни «Любовь останется», «Сшей мне, мама, белое платье», «Скачут кони» — эти настоящие жемчужины современной песенной лирики. Или фортепианные пьесы для детей — их играют сейчас во всех музыкальных школах.

Но только в минувшем году Гаврилин, наконец, познакомил публику сразу с несколькими большими работами последнего периода. Впервые целиком прозвучали «Скоморохи» (слова В. Коростылева) — «представление и песенки из старой русской жизни». Состоялись концерты или радиопремьеры вокальных циклов «Земля», «Военные письма» и «Вечерок» (слова А. Шулгиной), второй «Немецкой тетради» (как и первая, появившаяся еще в начале 60-х годов, она написана на слова Г. Гейне). И перед слушателями предстал в чем-то уже хорошо знакомый, а в чем-то по-новому раскрывшийся крупный, зрелый художник.

Самое приметное и существенное свойство музыки Гаврилина — органичная, совершенно самобытно выраженная народность. Его герои — это чаще всего люди современной русской деревни, близкие тем,

кто действует в рассказах и повестях В. Шукшина, В. Тендрякова, Ф. Абрамова, или гаврилинских земляков, вологжан В. Астафьева и В. Белова. В обыкновенных с виду людях он находит и словно высвечивает лучом доброго таланта такие высокие нравственные качества, как душевная чистота, сила и цельность чувства, верность в дружбе и любви — до конца, «до гроба». И рисует их в музыке любовно, с глубоким пониманием каждого движения души, с искренним сочувствием, восхищением или состраданием. В этом продолжает он традиции Шуберта, Грига, русской классики, а ес-

не просто любопытное музыкальное явление, а часть жизни народа, то дорогое и сокровенное, в чем люди изливают душу, ищут себе отклика и поддержки. Поэтому из бытовой музыки, как и из будней самой жизни, он извлекает тающиеся в ней поэзию и красоту. Именно эти качества пленяют в «Вечерке», в «Военных письмах», всюду, где звучат, казалось бы, чувствительные, а на самом деле просто очень эмоциональные, искренние и трогательные интонации живой, сердечной музыкальной речи.

Не боится Гаврилин соприкоснуться и с самым «риско-

вания, какого хватило бы, наверное, на большое музыкальное полотно. Вот что значит настоящий песенный талант!..

В то же время автор «Скоморохов», «Земли», «Военных писем» стремится укрупнить форму песни. Можно было для этого либо симфонизировать песню, либо театрализовать ее. Гаврилин сделал и то, и другое. Сольные песенные номера и дуэты он наложил на оркестр и соединил в развернутые циклы, скрепив их не только смысловыми, но и сродственно музыкальными связями. Единству служат и многократные повторы одних и тех же попевок в различных вариантах (наигрыш «дудочки» в «Скоморохах»), и обрамление цикла одинаковой музыкой («Вечерок»), и слияние соседних частей в более крупные построения («Военные письма»). Так родился, по существу, новый жанр — не обычная вокально-симфоническая поэма, а песенно-симфоническая.

Вместе с тем гаврилинские циклы построены по законам драмы. В них живут, действуют, общаются между собой персонажи, чьи судьбы и становятся сюжетом произведения. А каждую песню в отдельности воспринимаешь как портрет, сценку, зарисовку человеческих характеров. Видимо, в самой природе композиторского дарования Гаврилина лежит яркая, выпуклая театральность (вот почему, кстати говоря, особенно жаль, что наши музыкальные театры еще не установили с ним прочных творческих контактов, не заинтересовались по-настоящему его операми «Моряк и рябина», «Утешение», «Шинель»).

В создании вокальных циклов Гаврилину помогают его постоянные поэтические соавторы, прежде всего В. Коростылев, А. Шулгина. Их большая творческая близость композитору несомненна. И в то же время, как мне представляется, автор музыки мог бы требовательнее отнестись к некоторым текстам, особенно в «Скоморохах», где местами ощущаются и нечеткость мысли, и нарочитая стилизация, «литературщина», столь чуждая гаврилинскому творчеству.

Валерий Гаврилин — певец добрых чувств. Он любит своих героев, идет к людям с открытым сердцем. Потому и слушатели так любят его музыку, так горячо принимают ее. Это еще раз подтвердилось на состоявшихся в Ленинграде авторских концертах композитора, организованных Институтом театра, музыки и кинематографии и Ленконцертом. Они прошли с громадным успехом, подарив нам радость новых встреч с творчеством одного из талантливейших представителей современной русской музыки.

А. СОХОР

ли говорить о советской музыке, то в первую очередь Свиридова («Песни на слова Р. Бернса», «Петербургские песни» и др.).

Притом Гаврилин отнюдь не повторяет классических образцов. Герои у него новые, современные: тракторист комсомолец Анатолий Мерзлов, который погиб, самоотверженно спасая народное добро («Земля»), безымянный солдат, павший на полях Великой Отечественной войны, и его жена, чье сердце сохранило любовь к нему навсегда («Военные письма»). Своеобразен, неповторим эмоциональный мир его музыки, где резко, без переходов сопоставляются, сталкиваясь между собой, контрастные чувства и состояния: умиротворяющая радость и бурное отчаяние, легкая усмешка и язвительная ирония, нежная ласка и нестерпимая душевная боль. И высказаны они языком свежим, сочным.

В русской народной песне Гаврилина привлекает не столько древность, которой так интересуются сегодня многие композиторы, сколько современные жанры, в том числе лирическая частушка. Опирается он также на городской бытовой романс. Этот источник в свое время считали недостаточно «чистым», а таких авторов, как Алябьев, Гурилев, Варламов, отлучали от высокого искусства. Да и Чайковского, припадавшего к тому же источнику, порой упрекали в банальности. Но сегодня мы понимаем, что подобное отношение к ним было вольным или невольным проявлением музыкального снобизма. И таким же снобизмом было бы усомниться в праве советского композитора наших дней обратиться, например, к «альбомной лирике» прошлого века, как то сделал Гаврилин в «Вечерке». Все дело в том, ради чего он это сделал. И городской романс, и крестьянская песня для него —

ванным» интонационным источником — современной молодежной песней: бытовой (студенческой, туристской) и эстрадной (включая музыку бит-ансамблей). В частности, ее отголоски слышны в цикле «Земля», где в состав оркестра включены электрогитара. Здесь перед композитором встали особые трудности: сила стандарта, господствующего в этой области, столь велика, что способна подчинить себе самые яркие индивидуальности. Так и Гаврилину не во всем удалось преодолеть инерцию общепринятого. Но даже в «Земле» музыка лучших номеров (в их числе «Мама») отличается «лица необщим выраженьем», его собственной, гаврилинской интонацией.

Для чего же композитор рискует, пробуя иногда сочетать, казалось бы, несочетаемое, несовместимое? Для чего облекает порой мелодические «речения» русского народного склада в ритмические и тембровые одежды бит-музыки? И поручает песни в духе деревенских «страданий» и притчетов таким мастерам современного эстрадного пения, как Таисия Калинченко и Эдуард Хиль (к слову сказать, превосходно исполняющим его произведения)? Видимо, для того, чтобы найти возможно более прямой путь к слуху и сердцу сегодняшнего молодого человека и на близком и понятном ему языке рассказать о самом серьезном и возвышенном, о драматизме и героике нашей эпохи.

Песня — жанр простой: мелодия со скромным аккомпанементом, куплетная форма. Гаврилин иной раз, казалось бы, упрощает песню еще больше, до предела, вовсе отказываясь от сопровождения, оставляя один лишь напев — как в народной песне. Опять смелая проба. И опять успешная. Потому, что в гаврилинской мелодии такое богатство содержа-

Предлагаемая вниманию читателей статья написана доктором искусствоведения, профессором А. Сохором для «Советской культуры» незадолго до его преждевременной кончины.